

Мне выпала честь следить за искусством Иркутского театра имени Н. П. Охлопкова последние приблизительно два-три года — почти со времени предыдущих гастролей театра в Москве. Приходилось, и не раз, говорить об этом театре на страницах различных газет и журналов.

За этот немалый срок театр прошел путь очень непростой. Были на этом пути тяжелые годы, когда с болью сердечной приходилось спрашивать у него: куда же ты идешь, иркутский театр? Были годы безрежиссерия, были сезоны неразумной режиссерской диктатуры. Всякое бывало. Неизменным оставалось только одно: высокая культура актерского искусства, плеяда выдающихся артистических талантов, плеяда мастеров всех поколений, начиная от «стариков» и кончая молодой порослью, значительная часть которой приходит в театр из своего Иркутского театрального училища.

Как театр, прежде всего, актерский, остался иркутский театр в памяти москвичей и после окончания нынешних гастролей. Столичный зритель по достоинству оценил и запомнил неповторимые творческие индивидуальности таких крупных актеров, как В. Венгер, А. Тишин, И. Климов, А. Рыбакова, Л. Добронравова, актеров более молодых, но не менее талантливых — Т. Хрулевой, А. Крюкова, С. Чичерина, Т. Олейник, В. Малинина и многих других.

Рассказ о московских гастрольях иркутян в этом году надо начать с того, что они пользовались несомненным и прочным успехом у зрителей. При всем известном московском гостеприимстве не часто бывает, чтобы на гастрольях периферийного театра москвичи спрашивали лишней билет еще на дальних подступах к театральному зданию.

Интерес этот вызван был не только отличным актерским составом. Искусство иркутского театра задевало души московских зрителей и тем, что театр смело, вольновольно и страстно говорит о самом, задушевно, в полном смысле слова — кровном.

Спектакли, поставленные по пьесам авторов, чье творчество крепкими нитями связано с Сибирью, вызвали особый интерес москвичей. Театр воспринимался как театр сибирской темы. Заглавие спектакля, которым открылись гастроли — «Иркутская история», прозвучало как эпиграф ко всей сводной афише. А афиша эта включала имена Александра Вампилова, именно с иркутской сцены шагнувшего в большой мир советского театра, Валентина Распутина, писателя, чья известность тоже зародилась на берегах Байкала, Марка Сергеева, писателя и журналиста, упорно и последовательно работающего над художественным воплощением истории Сибири, раскрывающего истинное единство сибиряков и жителей центральных областей России.

В этой подлинно прекрасной афише, в которую входили еще «Макбет» В. Шекспира, «Материнское поле» Ч. Айтматова, «Характеры» В. Шукшина, привлекают не только целостность, сочетаемая с разнообразием, но и безупречность вкуса, полное отсутствие не только незначительных, но и просто непервоклассных произведений.

Правда, некоторые упреки по части драматургии необходимо предъявить документальной драме М. Сергеева «Записки княгини Волконской». Жанр этот чрезвычайно труден

именно потому, что очень сложно передать повествовательность исторического документа средствами театра, трудно сделать театрально увлекательными известные еще из школьных учебников факты. Поданг же декабристов, рассказ о котором положен в основу сюжета пьесы, с детства близок и дорог каждому. Глубоко волнует человеческий документ, положенный в основу пьесы и спектакля, — записки княгини Марии Николаевны Волконской, в девичестве Марии Раевской, которой так много вдохновенных строк посвятил юный Пушкин. Те куски спектакля, где играющая княгиню Волконскую актриса Л. Добронравова читает нам ее дневник, вызывают у зрителей подлинное и глубокое волнение. Сцены, где есть необходимое условие всякого сценического действия — конфликт, т. е. сцены допроса декабристов царем Николаем I,

векно, что в этом случае на первый план вышли не главные образы, а роли второго плана, неожиданно обогатившиеся биографией, ставшие, пожалуй, более многогранными, чем мы привыкли их видеть. Среди них — Сердюк, ставший в исполнении С. Чичерина воистину душой всего экипажа шагающего эскаватора. Взабавная, искренняя, произванная острой любовью к человеку драматургия А. Вампилова — кровное дело иркутского театра. Александр Вампилов, драматург, безвременная гибель которого еще долго будет ощущаться современной литературой как потеря невозможная, как известно, жил и творил в Иркутске. Справедливо, что гордость иркутского театра является то обстоятельство, что три из пяти пьес Вампилова получили свое сценическое воплощение на его сцене. Спектакль «Старший сын», поставлен-

стоятельствах, в которых он оказался вместе со своей женой Марией, не досчитавшейся в доверенной ей кассе колхозного магазина целой тысячи рублей. Надолго запомнятся образы старого сторожа Гордечина (И. Климов), готового все положить за близких своих, бабушки Комарихи (А. Рыбакова), которая гадает Марии больше потому, что ее предсказания благополучного исхода всех маринных мытарств — довольно-таки действенное лекарство для Марии. Надолго запомнятся и многие другие образы этого спектакля. Но вот беда — драматический накал событий, напряжение спектакля представляются недостаточными высокими. Выросли на почве внимательного и точно обрисованного быта, спектакль над этим бытом не возвысился, не достиг той глубины и масштабности, которая присуща его литературному первоисточнику.

Некоторые приземленность, и, как это им странно звучит, бытовизм характерны и для такого очень интересного и крупного спектакля, как «Макбет», тоже поставленного Г. Жезмером. Чрезвычайно интересное решенное оформление спектакля (художник — Ю. Суракевич) как бы передает смутность чувств Макбета, неожиданно для него самого раскрывающиеся мрачные бездны его души и как бы подталкивает актера к высокой трагедии. Макбет А. Крюкова в начале спектакля картинен, рыцарствен и благороден. Актер открыто и искренне повествует нам о том, как неотвратим и страшен путь падения единожды преступившего против совести. Он чем-то напоминает Раскольников из «Преступления и наказания». Но он ял и неубедителен в сценах злодейства и вясического тиранства.

Леди Макбет у Т. Хрулевой наиболее убедительна в первой сцене, когда она, молодая, красивая, почти девичья, без памяти влюбленная в своего Макбета, встречает его из похода. А вот трагическая злодейка, терзаемая неизбывными муками совести, оказалась у нее куда менее удачной.

И вышло в итоге, что, несмотря на обилие всякого рода ужасов и кровавых обстоятельств, несмотря на шекспировский текст, — трагедия не получилось. Трагедия — это ведь не количество льющейся на сцене крови, это — величина переживающей крах личности, осознающей свою ответственность за этот крах и за гибель окружающего мира. Если трагедия заменяется бытовой драмой — не поможет ни увеличение числа вальсов с трех до пяти, ни присвоение им дополнительных функций жен шотландских танов на пиру у Макбета.

Иркутский театр сегодня на верном пути. Его внимание справедливо сосредоточено на самом главном — на раскрытии души нашего замечательного современника. А решение этой задачи подразумевает необходимость показать не только многогранность этой души, но и ее величие, ее подлинную глубину и человеческий масштаб.

Хотелось бы, чтобы, раздумывая об итогах московских гастролей, коллектив иркутского театра вспоминал бы не только вполне заслуженные аплодисменты и восторг, которыми награждал его благодарный московский зритель, но не забыл бы и тех соображений, которые высказаны ему критикой.

А. ВОЛЬФОН.

г. Москва.

ОТ СТОЛИЧНОГО ЗРИТЕЛЯ...

О гастрольях театра им. Н. П. Охлопкова в Москве

сцена княгини и иркутского губернатора и некоторые другие запоминаются, как явления подлинного искусства. Жаль только, что многие другие сцены этого спектакля носят информативный характер, что действие в них сводится к обобщению ползаний, но вследствие своей информативности не волнующих зрителя сведений. Спектакль о декабристах нужен в репертуаре иркутского театра, и пусть сохранится в нем главное — взволнованный и страстный интерес к человеческой душе, к ее драме, к ее расцвету. А он-то и наличествует в исполнении Л. Добронравовой.

Интерес к душе человека, сегодняшнего человека по преимуществу, острый интерес к драме, которая в душе человека происходит, и к путям выхода из этой драмы — вот в чем, пожалуй, специфика искусства сегодняшнего иркутского театра. «Простой», «рядовой» человек и те глубокие драмы, которые он переживает, которые делают его волнующе интересным, — вот что заставляет внимательно всматриваться в спектакли иркутян, сопереживать их героям, преодолевая иной раз налет ненужной театральности, пробираясь иной раз через многие неточности, а то и прямые ошибки.

Можно по-разному относиться к предложенному нашим гостями прочтению «Иркутской истории». Мне кажется, что знаменитая пьеса Арбузова заслуживала более бережного и уважительного к себе отношения, чем то, которое было ей оказано ее земляками. Бесследное исчезновение хора, который по мысли автора ведет рассказ о героях этого спектакля, не может не вызвать сожаления. А отсутствие некоторых предусмотренных автором действующих лиц и, мягко говоря, смелое изменение предусмотренной автором композиции пьесы, вызывают некоторую оговорку. Но актерское решение многих образов, в котором главное — пристальное внимание к их внутренней жизни, представляется очень современным и подчеркивающим право на жизнь пьесы сегодня. И может быть, естес-

ный режиссером В. Симоновским еще в 1969 году, — в определенной степени визитная карточка театра.

Актеры играют иной раз просто отлично. В высшей степени органична, искренна, обязательна Т. Хрулева в роли Нины. Чутко к чужой боли, сочувствие Бусыгина в исполнении В. Малинина. Он ясно доносит главное в этом образе — чувство человеческой ответственности за все, что происходит при нем, невозможность, немислимость для Бусыгина душевной черствости. В. Малинин, позже других вошедший в спектакль, создал, пожалуй, наиболее масштабный, наиболее близкий автору образ. Трогательный старик Сарафанов в исполнении А. Тишина. Жаль только, что несколько раз считает он возможным прорваться через рампу и прямо обратиться в зрительный зал, как бы требуя от нас, зрителей, активного вмешательства в происходящее. И нам становится неловко: вмешаться нельзя — не та стилистика спектакля и пьесы, да и в зале вряд ли взрослые люди, и не вмешаться как-то нехорошо — очень уж трогателен тишинский Сарафанов.

Есть актерские удачи в поставленном главным режиссером театра Г. Жезмером спектакле — инсценировке повести В. Распутина «Деньги для Марии». Спектакль тоже, в общем-то, рассказывает житейскую историю, случившуюся с самыми простыми людьми. Но и повесть Распутина, а в определенной степени и спектакль насыщены философскими раздумьями о сущности жизни, о путях формирования души современного труженика, о том, как иной раз непросты, в муках рождается новая мораль. Носителем этих раздумий стал в спектакле Кузьма в исполнении А. Крюкова. Раздумывая совестью, почти детское неверие в то, что с ним или с его близкими может враздур случиться несчастье, — вот источник нелепых грёз Кузьмы о том, как вдруг и нечаянно кончатся его семейные беды, вот залог его душевного здоровья в тех почти трагических об-